

Главная редакционная
коллегия журнала:
А.С. Казаринов (гл. редактор)
А.А. Мирошниченко
М.А. Бабушкин

Редколлегия серии:
В.М. Широких
(отв. редактор серии)
Н.Н. Орехова
З.М. Цунанова
Е.Э. Калинина
И.Ю. Лыскова

Редакторы:
Л.В. Ларионова
Т.В. Мезенцева

Компьютерная верстка:
Е.В. Машкова

Адрес редакции:
427621, УР, г. Глазов,
ул. Первомайская, 25
Тел./факс: (34141) 5-60-09
izdat@mail.ru

© Глазовский государственный
педагогический институт, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

♦ Научная школа д-ра филол. наук Н.Н. Ореховой

- Возмищева Н.В.* Легенда о Святом Граале: ценности
христианские и рыцарские (система образов и язык)3
Калинина Е.Э. Африкаанс: формирование синтаксической нормы7
Лыскова И.Ю. К вопросу о языковой норме9
Орехова Н.Н. Семнозис письменной системы в динамике:
графика и топография12

♦ Лингвистика и филология

- Буйнова О.Ю.* К вопросу о продуктивности словообразовательных
моделей прилагательных с суффиксами -у, -ish17
Ерохин А.В. М.М. Бахтин о хронотопе гетевской прозы20
Исмаилова Г.Р., Орлова А.И. К вопросу философского
истолкования концептологии24
Киселева В.В. Языковая сообразность и теория лингвистического
позиционирования25
Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Некоторые особенности
сущности и функционирования молодежного жаргона27
Наговицына Е.П. Развитие лексической нормативности
в американском английском языке на основе диалектов29
Орлова А.И. Теория перевода и толкования художественного
текста в трудах А.В. Федорова (К 100-летию со дня рождения
Учителя)30
Перевощикова Н.А. Становление австристики в отечественной
германистике33
Садыкова М.А. Некоторые аспекты метафоризации концептов
«свет» и «тьма» (на материале английского языка)35
Соколов А.Н. Литературная модель как ключ к пониманию
художественного текста. Модель «Герой – Враг» (на материале
анализа «Баллады о долгоногой наживке» Дилана Томаса)37
Широких В.М. Из истории билингвизма и мультILINGVизма
в Соединенных Штатах Америки41

♦ Педагогика и методика обучения иностранному языку

- Войтович И.К.* Непрерывное образование: к вопросу об оценке
качества знаний в дистанционном обучении43
Кислухина О.Н. Особенности учебной деятельности
как содержания образования45

<i>Науман И.М.</i> Обучение дискуссионному общению на занятиях по практике устной речи	46
<i>Пашенцева Л.Г.</i> Реализация сопоставительного подхода при обучении французскому языку (из опыта преподавания французского языка на базе английского и немецкого)	47
<i>Поторочина Г.Е.</i> Формирование личности студента педвуза как субъекта диалога культур в этнокультурном образовательном пространстве	49
<i>Салтыкова М.В.</i> Средства формирования самостоятельной компетенции учащихся по иностранному языку	51
<i>Смирнова М.Н.</i> Использование интегративной педагогической технологии при формировании готовности студентов к межкультурному взаимодействию	53
<i>Тарабаева Е.В.</i> Трудности чтения и понимания профессионально-ориентированных текстов на иностранном языке	55
<i>Чепкасова Н.К.</i> Пословица на уроке английского языка в начальной школе	57
<i>Чепкасова Н.К., Загребина И.В.</i> Интеграция учебно-воспитательного потенциала уроков родного и иностранного языка в процессе формирования речевого этикета младших школьников	58
<i>Шафорост Г.И.</i> Региональный материал в обучении иностранному языку	60

АВТОРАМ СЕРИИ «ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ»

Журнал «Вестник педагогического опыта» публикует материалы, которые могут помочь учителю, преподавателю иностранного языка в ведении его профессиональной деятельности.

На страницах журнала свои материалы могут представить преподаватели и научные работники, ведущие исследования по проблемам преподавания иностранных языков, учителя школ, желающие поделиться своим педагогическим опытом с коллегами, аспиранты и студенты, делающие свои первые открытия в области теории и методики обучения иностранным языкам.

1. Объем рукописи представляемого для публикации материала – до 10 страниц.
2. Материал принимается в распечатанном на бумаге виде и на дискете формата 3,5” в редакторе Word.
3. При наличии в рукописи ссылок на использованную литературу автору следует строго указывать выходные данные и номера страниц источника.
4. Обязательно представление сведений об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы и должность, адрес для переписки, телефоны).
5. Материалы, присланные для публикации, могут содержать качественные фотографии и иллюстрации (с соответствующими указаниями на их использование в тексте).
6. Рукопись должна быть подписана авторами.

О.А. Домашнев, проанализировав целостную систему AmE, подтвердил теорию его самостоятельности: «Таким образом, проведенный анализ показал, что своеобразие английского литературного языка США, выраженное на различных уровнях языковой системы, находит свое кодифицированное выражение в качестве равноположенного национального стандарта единого английского языка» [1].

Итак, обоснование того, что AmE – отличный от BrE язык, зачастую основанное только на существенном различии в произношении, так называемом “thick American accent”, не является существенным.

Важно отметить, что за AmE не закреплен статус государственного языка, т.е. нет юридических документов, закрепляющих за ним этот статус. Тем не менее именно английский язык стал одной из объединяющих сил молодой нации. По замечанию американского исследователя Джеймса Кроуфорда, занимающегося вопросами связи языка и политики, «No doubt for some the statement has a patriotic subtext: one flag, one language» [4].

Особый интерес представляет разветвленная система диалектов AmE, так как некоторые из них унаследовали черты британских диалектов, в то время как другие развились под влиянием языков небританских иммигрантов.

Несомненно, история AmE началась еще на Британских островах. Несколько германских племен – англосаксы и юты – завоевали Британию в 437 г. н.э. и принесли с собой несколько диалектов западногерманского языка (West German). Именно они заложили основу региональных диалектов. Завоевания викингов VIII – IX вв. внесли свой вклад в развитие диалектов северо-востока Англии. Затем норманнское завоевание XI в. повлияло на дальнейшее развитие южных диалектов. Великий сдвиг гласных (The Great Vowel Shift) XVI в., таким образом, уже не повлиял на северные диалекты, развивающиеся сами по себе и получившие название шотландского английского (Scots English). Долгая и богатая история Великобритании привела к большому разнообразию региональных диалектов.

Образование британских колоний привело к образованию «колониальных» (colonial, overseas) диалектов. Необходимо отметить, что параллельно появлению вариантов английского языка продолжалось развитие BrE, что еще более усугубило различия.

А.Д. Швейцер выделяет три основных диалекта США: диалект Новой Англии, или Северный (New England or Northern), Южный (the Southern) и Центральный (the Midland or General American) диалекты [3].

Современная карта американских диалектов и субдиалектов гораздо пестрее своей предшественницы 30-х гг. XX в. Она дает наглядное представление о дроблении диалектов и изменении их границ. Современные карты диалектов учитывают такие критерии, как фонетические различия между диалектами, включение субстратов других языков, лексические различия.

Необходимо отметить, что границы американских диалектов размыты. Это связано как с особенностями географических границ (почти все штаты расположены в центральной части Североамериканского континента), так и с влиянием средств связи, поэтому соседние популяции хорошо понимают диалекты друг друга. Языковые инновации диалектов AmE также являются результатом влияния географических обстоятельств (например, латинизация южного диалекта, вызванная соседством с Южноамериканскими государствами). На примере образования Центрального диалекта (Midland/General American), объединившего в своем составе черты Северного (Northern) и Южного (Southern) диалектов, подтверждается «теория волн» Х. Шухардта и Й. Шмидта – «идея распространения языковых инноваций из центров, где они возникают, к периферии подобно кругам, расходящимся по воде от брошенного камня и постепенно затухающим. В результате взаимовлияния смежных языков и диалектов границы между ними оказываются не столь четкими, возникают сходства, которые не могут быть объяснены общим происхождением» [2].

Список литературы

1. Домашнев, О.А. О лексикографическом отражении американского стандарта английского литературного языка / О.А. Домашнев // Лингвистические исследования. Структура языка и языковые изменения. – М., 1985. – С. 70 – 79.
2. Кибрик, А. Лингвистическая география / А. Кибрик // Интернет-энциклопедия «Кругосвет» // – <http://www.krugosvet.ru>.
3. Швейцер, А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М., 1983.
4. Crawford, J. The Language Politics in the USA: the Paradox of Bilingual Education / J. Crawford // Social Justice. – № 3. – Fall, 1998.
5. Ferguson, C.A. Language in the USA / C.A. Ferguson, S.B. Heath. – Cambridge University Press, 1981.
6. Mencken, H.L. The American Language / H.L. Mencken. – N.Y., 1919.

А.И. Орлова,

канд. филол. наук, профессор каф. герм. яз., УдГУ

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА И ТОЛКОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ТРУДАХ А.В. ФЕДОРОВА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧИТЕЛЯ)

Научиться читать художественное произведение и научить читать его других – значит идти путем постепенного ступенчатого анализа к синте-

зу, то есть к выявлению концептуальных параметров произведения, иначе говоря, стать, как учил Б.О. Корман, концептированным читателем. Это

задача сложная, поскольку она предполагает хорошую филологическую подготовку, прежде всего, хорошее знание родного языка, определённый корпус литературоведческих понятий и историко-культурный фон произведения.

Но задача усложняется, когда речь идёт о толковании текста на иностранном языке. Такое толкование предполагает равноценное владение обоими языками, включая вышеперечисленные экстралингвистические факторы, теорию и практику перевода.

Междисциплинарный подход к анализу текста художественного произведения обнаруживает тесную связь между такими «вершинными» языковыми дисциплинами, как стилистика и перевод.

Нет сомнения в том, что перевод подразумевает концентрацию знаний о языке, совершенное владение областью теории и практики исходного языка (ИЯ) и языка переводящего (ЯП). В практике преподавания любой перевод, не говоря уже о переводе художественного текста, начинается с вдумчивого прочтения текста и сопутствующего ему тщательного анализа с учётом индивидуального стиля автора. Выявляя при анализе текста *через как? что?* сказано мы тем самым при переводе этого *что?* выявляем, ищем *как?* сказать. Это очень важные, взаимосвязанные моменты переводческой деятельности.

Ответ на вопрос, как организован и написан текст, выходит за пределы компетенции лингвистики. Стилистике тесно в этих рамках, в то время как перевод предполагает выход на филологический и историко-культурный уровень толкования произведения.

«Кормановские чтения» проводятся ежегодно 19 апреля, в день рождения Б.О. Кормана, основателя аналитической методологии художественного текста, его учениками (школа Б.О. Кормана).

Но так распорядилась провидица-судьба, что 19 апреля 1906 года родился основоположник теории перевода Андрей Венедиктович Фёдоров (1906–1996 гг.), ученик Юрия Николаевича Тынянова, профессор Петербургского государственного университета, владевший всеми индоевропейскими языками. На его лекциях и семинарских занятиях по переводу работали одновременно слависты, романисты и германисты разных стран. Работа в таком семинаре была для филолога счастьем. Его имя и труды признаны во всем мире. 19 апреля 2006 г. филологический факультет Петербургского университета торжественно отметил 100-летие со дня рождения учёного. На конференции по переводу принимали участие филологи многих стран мира. Такие труды А.В. Фёдорова, как «Основы общей теории перевода», «Очерки общей и сопоставительной стилистики», «Искусство перевода и жизнь литературы», давно стали основными ориентирами в области теории и практики перевода для учёных-филологов и студентов, не говоря о многочисленных статьях, очерках и трудах, посвящённых творчеству А. Блока, И. Анненского, Г. Гейне, Е. Баратынского, М. Лермонтова, И.В. Гёте, А. Плещеева, Ю. Тынянова и других.

Проблемой гармоничного слияния филологических дисциплин в процессе перевода А.В. Фёдоров занимался с первой трети XX столетия, и в этом смысле его идеи и идеи Л.В. Щербы перекликались (Петербургская филологическая школа).

Появление первых трудов Андрея Венедиктовича («Введение в теорию перевода») сопровождалось в 50-е гг. прошлого века спорами о том, должна ли теория художественного перевода строиться в системе науки о языке (материальная база толкования текста) или в системе науки о литературе (идеальная база проникновения в художественный текст). Спор приводил как к требованию синтеза двух точек зрения, так и к их дифференциации. Учёному пришлось пережить разного рода упреки то в преувеличении языкового фактора в теории перевода, то в уклоне в литературоведение. Но наука о переводе состоялась, и труд «Основы общей теории перевода» (М.: Высшая школа, 1983), пережив несколько изданий, остаётся до сегодняшнего времени единственным вузовским учебником, с помощью которого студенты филологических факультетов могут овладеть необходимыми знаниями в области переводоведения. Эта книга представляет интерес для филологов разных рангов. Кроме задач теоретического изучения перевода, она содержит интереснейший раздел из истории перевода и переводческой мысли в России и за рубежом, развития теории перевода и разработки идеи переводимости, условий выбора языковых средств разных уровней и другие переводческие проблемы.

В статье не ставится задача изложить основные принципы теории перевода, но подчеркивается идея родства переводоведения и аналитической методологии художественного текста Б.О. Кормана. Несколько цитат из «Основ» могут послужить тому доказательством.

К содержанию понятия «перевод». «Оно обозначает:

1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение... возникшее на одном – исходном – языке (ИЯ), пересоздается на другом – переводящем – языке (ПЯ);

2) результат этого процесса, то есть новое речевое произведение на ПЯ (с. 9).

1) Цель перевода – как можно ближе познакомить читателя, не знающего ИЯ, с данным текстом... 2) Перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка». (В верности и полноте передачи – отличие собственно перевода от переделки, от пересказа или сокращенного изложения, от всякого рода так называемых «адаптаций») (с. 10 – 11).

Страница 18 – 19 «Основ»: «Если теория художественного перевода как специальная отрасль филологической науки предполагает теснейшее сотрудничество языкознания с литературоведением, а также с историей тех народов, языки которых она

затрагивает, то общая теория перевода требует прежде всего постановки целого ряда лингвистических вопросов, их разрешения и должна составить базу для дальнейших исследований. ...Во избежание недоразумений необходимо лишь предостеречь против смешения теории перевода с неким собранием узкопрактических рецептов или правил о том, как надо переводить в любом случае. Следует со всей решительностью подчеркнуть, 1) что таких правил нет, 2) что теория и практика при всей тесноте и органичности связи между ними вовсе не тождественны друг другу, а имеют разные задачи (ср. соотношение литературы как искусства и теории литературы как научной дисциплины, отнюдь не обязанной или призванной давать советы и рекомендации писателям); аналогично соотношение музыки и теории музыки, живописи и теории живописи, архитектуры и теории архитектуры и т.п.)».

Очень жаль, что учёные, родившиеся в один день с разницей в 16 лет, не знали друг друга близко. В конце 70-х гг. я послала Андрею Венедиктовичу книгу Бориса Осиповича «Лирика Некрасова» и получила от него письмо, в котором он благодарил меня за такой подарок и выражал радость по поводу обнаружения родственных концепций толкования художественного текста. Андрей Венедиктович Фёдоров был моим Учителем в течение пяти лет моего обучения в ЛГУ (теперь СПбГУ), а я – несменной старостой кружка перевода. Андрей Венедиктович научил нас бережному обращению со словом и сопоставлению разносистемных языков, подходу к переводу как к сложной интеллектуальной задаче, решение которой налагает ответственность за полученный результат. Никогда не забыть первый переводческий опыт нашего кружка, перевод первого предложения произведения Г. Гейне «Людвиг Берне». В нем шла речь о том, что автор (Гейне) в таком-то году, при таких-то обстоятельствах и там-то впервые услышал имя Берне. Мы, первокурсники, так и перевели это предложение, как нам казалось, старательно и грамотно. Выслушав всех, Андрей Венедиктович прочитал свой вариант перевода. Следует сказать, что Андрей Венедиктович – не только теоретик перевода, но и замечательный переводчик. Его вариант предложения звучал так: «Имя Берне я впервые услышал...». Мы были поражены эффективной логикой распределения тема-рематических компонентов в русском предложении, никак не нарушающих структуру и семантику немецкой фразы. Вот такое лёгкое, тактичное сравнение результата мастера с пробой подмастерьев сразу стало для нас большим уроком, нацеливающим на освоение комплекса переводческих знаний даже без предварительной теоретической подготовки. Подобная нашей буквальная передача архитектоники немецкого предложения надолго отбила в своё время у русского читателя интерес к произведениям Ф. Шиллера. На семинарских занятиях и в кружке перевода мы занимались творческим

коллективным переводом с немецкого отрывков из произведений Г. Гейне, Т. Манна, А. Зегерс с последующим сравнением официальных переводов авторов из Союза переводчиков, к сожалению, не всегда в пользу последних. Это было для нас удручающим открытием, с одной стороны, с другой – внушало веру в наши творческие способности и нацеливало на сохранение «авторских прав» биографического и концептуального авторов. Андрей Венедиктович был интеллигентным человеком, представителем интеллигенции, скорее, XIX в., чем XX-го. Его отличало уважительное отношение к студенчеству, неподдельный интерес к личности студента, к условиям его жизни в общежитии, к здоровью. Он никогда не проходил мимо нас в узких коридорах-лабиринтах нашего корпуса, отделавшись одним приветствием, но всегда искренне интересовался успехами, здоровьем, и ему нельзя было отвечать формально, так как хотелось соответствовать этому уровню культуры. Я поддерживала с ним связь вплоть до его кончины в ноябре 1996 г., а за 8 лет до этого события он поддерживал меня морально и внушал мне веру в себя, в свои силы после трудной операции. Чувство высокого такта сочеталось в нем с твердостью в отстаивании научных убеждений, победивших время и разного рода «инновационные открытия», авторы которых имеют тенденцию наступать на «традиционные» научные методы, изобретая переводческие «технологии». Во время блокады Ленинграда А.В. Фёдоров был защитником города в составе народных ополченцев.

Если перевести название его книги «Искусство перевода и жизнь литературы» с русского языка на русский, то оно будет означать зависимость жизни произведения иностранной литературы от качества перевода: как переведено, так и живёт. А неискушенный наивный читатель не испытывает по этому поводу никаких подозрений, думая, что он читает Томаса Манна, а не Наталию Манн.

Для филологов не является секретом то обстоятельство, какую ответственность берет на себя переводчик текста художественного произведения. Перевод – наука, но перевод – и искусство, которое не каждому дано. Желаемая адекватность в мучительной борьбе с так называемой безэквивалентной лексикой переводимого языка нередко приводит к тому, что решение, принятое переводчиком, носит компромиссный характер, а это приводит к горестному умозаключению: перевод требует жертв. Возможно. Но эта возможность не является необходимостью, поскольку она опровергается наличием блестящих переводов. Известно, как посредственно, а иногда и плохо переведены на европейские языки русские классики. Достаточно вспомнить судьбу «Евгения Онегина», пушкинских сказок. «Кабы я была царица», «В те поры война была...». «Царь Салтан с женой простясь, на добра коня сядя...» Нет в этих языках ни «кабы», только «если», ни «добра коня», ни народных «простясь, сядясь».

Как бы ни старались немецкие переводчики передать пушкинскую зиму в «Онегине», они так или иначе искажают рифму и ритм стиха немецким словом Winter («Зима, крестьянин торжествуя...»), которое, на худой конец, могло бы получить французский вариант ударения (Win'ter). В этой связи, кроме прочих других замечательных качеств, глубокого уважения заслуживает Фридрих Энгельс, призывавший друзей своего окружения изучать русский язык для того только, чтобы читать «Евгения Онегина» по-русски.

Известный немецкий критик и знаток русской литературы Фарнхаген фон Энзе, современник Фридриха Энгельса, подчёркивая заслуги немцев в области художественного перевода с греческого, итальянского, испанского, английского, соглашается с призывом Энгельса, сгущая на трудности: «С русскими, кажется, знакомиться всего труднее. Для знакомства этого языку нашему нужно сделать новые усилия: он очень хорошо обнимает смысл, но с трудом передаёт своеобразный склад русского выражения, а для передачи поэтических произведений выражение – главное». (Михайлов М.Л. Отечественные записки. 1854. № 3. Отд. V. С. 16) [3]. Наглядным примером необходимости таких усилий, о которых говорит Фарнхаген фон Энзе, является перевод названия грибоедовского шедевра «Горе от ума» двумя переводчиками (в этом смысле немцам как-то повезло, т.к. на многих языках мира А.С. Грибоедов переведён в прозе): *Bitternis durch Geist* (Bachtold Rudolf. Munchen. 1988) и *Verstand schafft Leiden* (Luther Arthur. Leipzig. Verlag Anton Kippenberg).

У опытного переводчика вызывают улыбку эти два немецких словосочетания, из которых лишь слово «Geist» соответствует правилу адекватности (ум, дух, духовный статус человека), а не *Bitternis* (огорчение, обида), *Verstand* (способность мыслить в отличие от животных) и *Leiden* (страдания, физическая или нравственная боль; более близкий вариант, но не точный). Если вдуматься и дать студентам задание на семинаре по переводу словосочетания «Горе от ума», то можно легко убедиться, как проблематично переложение этих двух предикатных по сути имён.

Надо сказать, что отечественная переводческая практика является недостижимо высокой по сравнению с европейской переводческой практикой. Достаточно вспомнить Н.И. Гнедича, М.Л. Михайлова, В.С. Курочкина и других профессиональных переводчиков середины и конца XIX в. Лучшими же профессиональными переводчиками были отечественные поэты и литературоведы: В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, Ю.Н. Тынянов, С.Я. Маршак, Н.А. Холодковский, Б.Л. Пастернак, М.Л. Лозинский и др.

Непревзойдённым можно назвать перевод М.Ю. Лермонтова «Горные вершины...», который может потягаться с гётевским «*Des Wanderers Nachtlid*», в котором никто ничего не поёт. В итоге мы имеем два самостоятельных произведения, из которых лермонтовское поэтически гораздо выше гётевского философско-пантеистического взгляда на мир.

Если бы подольше жил А.С. Пушкин, то мы наверняка бы имели прекрасную трактовку гётевского «Фауста». Один его набросок из «Фауста» с начальной строкой многого стоит: «Мне скучно, бес». Напрочь убрано тяжеловесное «Мефистофель» вместе со всей его скучной многовековой европейской трактовкой. Не дьявол, не сатана и не искусственный клон Мефистофель, а именно русское «бес» – понятное русскому читателю слово, над которым не надо задумываться.

Прекрасную оценку переводческой деятельности дал замечательный представитель отечественной переводческой мысли Михаил Леонидович Лозинский в речи, произнесённой им 12 февраля 1946 г. по поводу присуждения ему Государственной премии за перевод «Божественной комедии»: «Мы делаем необходимое дело. Поэзия – искусство слова. И она живёт только в пределах своего языка. Изобразительное искусство и музыка – понятны всем, они не знают национальных границ, они общечеловечны. А поэзия нема для тех, кто не знает её языка. Освободить эту молчаливую затворницу, привести её к нам, заставить говорить и петь на новом для неё языке, – вот наша задача, задача трудная, но пленительная» [3, с. 296] (Фёдоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983. С. 296).

Список литературы

1. Фёдоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностранных языков: учебное пособие / А.В. Фёдоров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1983.
2. Фёдоров, А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики / А.В. Фёдоров. – М.: Высш. шк., 1971. – 192 с.
3. Фёдоров, А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: очерки / А.В. Фёдоров. – Л.: Сов. писатель, 1983. – 352 с.

Н.А. Перевоицкова,

преподаватель каф. ром.-герм. филол. ГППИ

СТАНОВЛЕНИЕ АВСТРИСТИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ

Выделение австрийской литературы в особую сферу исследования в отечественной германистике началось в конце 60-х гг. XX в. Своего рода точкой отсчета можно считать появление статей Ю.И. Ар-

хипова «Существует ли австрийская литература?» (1968), А.В. Русаковой «Австрийская литература: к проблемам изучения» (1979), А.В. Михайлова «Диалог двух культур» (1983) и эссе Д.В. Затонско-